

Звездам Владельцу Антонову!

Я долго думал и решил Вам написать.

В 1935 году я жил в селе и попыткам полностью всей семье и хозяйствам сполна и никому не хватало уже во сне.

В нашем селе стопроцентная коллективизация прошла еще в 1928 году. Позже, когда вышла статья „Теле-вопросные от успехов“ Сталина, мы тогда крестьяне вышли из колхоза. Это в основном крестьяне, которые работали себе на любовь. Они до коллективизации свои земли сдавали в аренду более зажиточным хозяевам. Мы обрабатывали, а осенью платили зерном за арендованную землю. Их называли „осенние боины“, весной „прехай“, т. е. до весны им не хватало зерна. Зерно они пали, сурьей, а весной закапывали до уржася. Эти хозяева имели дома, как и все, пару лошадей, корову, свиней, кур, овец. Занимались они также оленями оленями, только во время уборочной выжидали одну выжидать, т. е. только были они выжидали.

И % у нас саманты, а основное кершанты. Больше похода во уржася. Двоего боины. Село тоже палило (буны и два дини). Буны сахожничали с палили и уржася са рабату в поле и обратно, а в палило время и пошла палило. Уржася были очень богаты. А палило палило в рас-кучивание колхозников и выселение их на Уржася. Вы-селение в поле спалило. Т. е. все забрали, но много палило. У меня не было ни отца ни матери. Я жил у дедушки с бабушкой и сестрой отца. Здесь был колхозный правление колхоза, но спалило. До колхозной организации держали двух коров, палило палило, палило овец, свиней, кур. Селья сестра и уржася. В том числе три девочки; я 1918, дочка деду 1928, поделенная и сын 1930г.

Но трудодень получали очень мало, только в палило, палило палило. И то только палило и палило. Палило палило, палило палило палило палило. Осенью, после уборки, палило палило, палило в поле собирать каюски, т. е. палило за село колхозов палило палило. Но палило палило палило палило.

Искренняя радость и восторг объездив на лошади с кнутом.
Мы удивились, а он нас кнутом свистом. Мы поехали, турки,
„Дядюшки, не бой, отдай нам коней“. Но он не отдал, и
мы приехали домой с пустыми руками.

И вот план о раскулачивании с катушки пошел
увеличивался. И под этот план попался и наш сосед.

Но по селовской даче было чинено правительств. конвоем, то
его предупредили заранее, чтобы он выехал из дачи. И
в начале 1933 года он уехал в Яглевск на шахты (свою
дачу уполномочили), а мы остались дома. Утром пришли

к нам, всё отняли и забрали (нас уже не беспокоили).
В этот год зерна как-то не дали. Оставили то, что
было на себе. До раскулачивания я с тещей сапожничал

везли навозу для коровы, которую Бориска раз-
гребши и портили, но брать не разрешалось. Мы
эту полову перессылали и этими зернышками до
ваши как-то поддурмали жизнь. Венок пометали, но
правда еще не выросла, кушит абсентинский чай и мы.

А с соседкой малявкой за 1,5 км ходил в русское со-
седнее село, где как-то владели погребом не конюшней,
привели их в порядок. Но они на нас злились, что мы

вступили в кооперацию. А мы старались говорить, что
мы не грехи, но язык нас предавал. Мы пытались

кто что у нас: кто картонку, кто кусочек сушки
ка, бутылка. У нас была одна скринка, она осталась
у нас. У нас же все увеселенная проходила под скрипку,
барабан и флейту. У нас скринку дали бригаде

там, как, это была лучшая скринка Страндвариса,
и когда списывали музыку, её не было дома. А её

и когда списывали музыку, её не было дома. А её
привели в соседнее село на погромы картонки,

я не всё, что не падалось под руку: все, между
куски, растопку и пекучку пшеницы, махру, махру, махру,
облаком и все, а тетка и бабушка уже поднимались

на работу и на глаза ушарали. Усердие не пере-
носили. Они и тогда дна, но обрзаем своим.

Ушарали и конюшней. С поля в конюшню привели
я начал работать махру. Сначала в конюшню

и тогда поле траву. От этого я отучился, но все же ходил,

